

Карл Ренц

**ПРОСТО
ГЛОТОК КОФЕ**
или беспощадная
Милость

Карл Ренц

Просто глоток кофе, или Беспощадная Милость

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=437205

Просто глоток кофе, или Беспощадная Милость: Ганга; М.; 2009

ISBN 978-5-98882-076-5

Аннотация

Карл Ренц – просветленный учитель недвойственности из Германии. Важность того, что происходит, когда вы читаете Карла, заключается не в значении его идей, а в чем-то гораздо более глубоком и непостижимом. Карл, с которым мы сталкиваемся в этой книге, полностью уничтожил идею «личности» в себе и в своем восприятии других. Он смотрит на тех, кто задает вопросы, и отвечает им, но для него – некому видеть и некого видеть, некому говорить и некому слушать; есть только То, которым он является, которым являетесь и вы. Он говорит только с Тем, а не с личностью, которой вы себя мните, и при чтении его слов его видение, возможно, станет и вашим.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
Бесшабашная адвайта	4
Примечания английского редактора	10
ИЗ ЕДИНСТВА ВСЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ, ИЛИ	13
КОНЕЦ «БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ»	
Разбивая ум, разбивая сердце	13
Ты – это абсолютный провал	21
Милость разобьет твоё сердце	28
Игра божественной любви	34
Обнимая одиночество	39
Всякое «я» – это враг	46
Некуда приземлиться	52
Ты никогда не достигнешь любви	59
Здесь, сейчас такая непомерность, потому что	62
вы – эта непомерность, абсолютное бытие	
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Карл Ренц

Просто глоток кофе, или Беспощадная Милость

ВВЕДЕНИЕ

Бесшабашная адвайта

«Больше никакого Карла Ренца!» Этими словами начинается введение к книге «Das Buch Karl»¹ – первому сборнику бесед Карла, опубликованному в Германии. Данное издание – первая публикация его бесед на английском языке, и, будьте уверены, Карл по-прежнему сводит с ума в той же степени, что и восхищает, но люди возвращаются снова и снова, потому что он чертовски прав и с ним так весело. Для Карла всякая идея, всякая теория, всякий неприкосновенный идол ума становится объектом нападения. Рано или поздно он направит свою атаку на ваши самые лелеемые убеждения, и укус его причинит острую боль, однако позднее, посреди веселья и смеха, в расслабленной атмосфере приятия и пози-

¹ Русское издание «Просветление и другие заблуждения». М.: Ганга, 2007. – *Прим. ред.*

тива, которую он генерирует, вы начнете смеяться над собой, а затвердевшие представления, которыми вы увековечивали свои страдания, отпадут.

Карл не обучает системе; он не пропагандирует никакую философию. Он противоречит сам себе, перескакивает с одного на другое или просто впадает в неразрешимые парадоксы. Помещение забито людьми, намеренными понять его учение, силящимися раз и навсегда «врубить» его, записать, запомнить его и затем удалиться просветленными, однако о понимании не может быть и речи, потому что просветление, которое можно «понять», остается всего лишь идеей, которую так же легко потерять, как и обрести. Карл всегда указывает на нечто за пределом представлений и концепций и ведет вас туда.

По ходу чтения вы, возможно, сумеете разглядеть идейную канву, но не пытайтесь умничать. Просветление не является делом ума. Важность того, что происходит, когда вы читаете Карла, заключается не в значении его идей, а в чем-то гораздо более глубоком и непостижимом. Карл, с которым мы сталкиваемся в этой книге, полностью уничтожил идею «личности» в себе и в своем восприятии других. Он смотрит на тех, кто задает вопросы, и отвечает им, но для него – некому видеть и некого видеть, некому говорить и некому слушать; есть только То, которым он является, которым являетесь и вы. Он говорит только с Тем, а не с личностью, которой вы себя мните, и при чтении его слов его

видение, *возможно*, станет и вашим.

Акцент на «возможно». Карл настаивает на том, что ни один метод не сможет привести вас к просветлению. Он говорит, что ни он, ни кто-либо еще не может ничего сделать для того, чтобы просветлить вас, и утверждает, что ему абсолютно нечего вам предложить. В своем истинном состоянии, согласно Карлу, вы всегда пребываете *вопреки* тому, что вы сделали, и никогда *благодаря* сделанному. Он подчеркивает, что всякое просветление, которое кто-то может вам дать или которого вы можете достичь, будет просветлением, не стоящим обладания, ибо то, что может быть получено или достигнуто, может быть утрачено. Любое достигнутое просветление было бы лишь умственной концепцией, и только ваш ум, а не вы, испытывает потребность в подобных вещах. Это ум, никак не вы, создает представления о «непросветлении». Это ум затем предлагает идею просветления в качестве решения проблемы и потом, после надлежащей борьбы, достигает этого просветления. И в конце концов подвергает сомнению то просветление, которого он достиг, ибо оно целиком зиждилось на преходящих концепциях. С этой от-правной позиции Карл разрушает все идеи религиозности, добродетельности и святости, столь милые тому или иному сердцу.

Категоризаторы религиозных философий, возможно, поместили бы Карла в школу мысли, известную как адвайта-веданта. *Адвайта* означает «недвойственность», а философия

адвайты утверждает, что подлинного различия между знающим и знанием не существует; само переживание является тем, кто переживает переживание, в то время как вечный центр остается неподвластным любым проявленным изменениям. Адвайта коренится в замысловатой мысли Упанишад, индуистской философской квинтэссенции древней ведической мифологии, и поэтому называется *ведантой*, что означает «конец Вед». Некоторые ученые полагают, что адвайта-веданта возникла в качестве одной из ответных реакций индуизма на буддизм, зачастую идеи буддизма идут параллельно ей, однако адвайта, которой учит Карл, не является ни религией, ни системой, поскольку только когда ты готов пожертвовать сокровенными убеждениями, возложив их на алтарь Истины, ты можешь приблизиться к высочайшему. Как и не является учение Карла лишь постмодернистским цинизмом или интеллектуальными измышлениями зачерствевшего сердца. Подлинная адвайта есть чистая любовь – любовь, которая ведает истину о том, что ничто не отлично от твоего собственного глубочайшего Я. Одним из самых известных классических учителей адвайты был Шанкара (686–718), а в наши дни философия адвайты получила новое мощное дыхание и популярность благодаря Рамане Махарши (1879–1950).

У подножия священной горы Аруначала, в южноиндийском храмовом городе Тируваннамалай наследие Раманы Махарши продолжает привлекать тысячи учеников и искате-

лей, и вся прилегающая местность напоминает агору в Афинах времен Сократа. Под теплым тропическим солнцем, в тени деревьев, на храмовых террасах и в чайных сидят толпы учителей, предлагающих неформальным собраниям соперничающие друг с другом версии просветления, передаваемые лишь изустно. Искатели представляют собой мпкс из туристов и пилигримов, экспатриантов и коренных индусов. Многие из них – прожженные ветераны поиска духовной истины, посвятившие преданному исканию целую жизнь. Они познали весь спектр устремлений, тягот, прозрений и экстазов, темных ночей души, скуки и новых откровений, надежд и сомнений духовного искания, чтобы однажды услышать учение адвайты и понять, что они уже *есть* то, что они ищут, поскольку адвайта учит, что в пучине всех поисков и достижений, ты – истинный ты – всегда пребывал в удовлетворенности, пребывал *абсолютной* удовлетворенностью, не знающей относительных представлений об удовлетворенности и неудовлетворенности, спасении и вечных муках.

В Южной Индии январь. Что ни день – безоблачное небо сияет голубизной. Повсюду цветут лианы, кусты и деревья. Теплый воздух наполнен голосами поющих птиц, орущих рабочих и торговцев, предлагающих свой товар. На крышах, под навесом из пальмовых листьев, на фоне величественной священной горы, Карл болтает и шутит, отвечает на вопросы новичков и поклонников со стажем и то и дело направляет внимание каждого на нечто запредельное, продолжая уве-

рять, что он совершенно не в силах что-либо сделать, чтобы помочь вам...

Примечания английского редактора

В этой книге предпринимается попытка передать восторг и накал страстей одной недели *сатсангов* с Карлом. Это непосредственная транскрипция, максимально близкая к самой беседе, включающая все прибаутки, пусть даже не самого высокого пошиба. Ведь все это – часть опыта, и кто-нибудь даже скажет, что неожиданные повороты и юмор важны в той же степени, что и философия.

Несмотря на то что я проставил названия глав и подзаголовков ради читабельности, в ходе бесед на самих *сатсангах* разрывов не было. Первая фраза каждой новой части является, собственно, следующим высказыванием. Так же в интересах читабельности я убрал *некоторые* повторы и внес *некоторые* грамматические исправления². За исключением этих незначительных изменений, транскрипция беседы полностью сохранена.

Горячее участие в этих сатсангах приняли люди из множества стран, и некоторые постоянные участники идентифицированы по имени. Однако, за исключением Карла, все имена в этой книге изменены. В некоторых случаях отмечены национальности участников. Основываясь на диктофонных запи-

² Большинство оригинальных формулировок не подверглись редактированию ради того, чтобы оставить открытым смысл речи, сохранить остроумие шутливых перепалок и позволить читателю «услышать» голоса сквозь страницы.

сах *сатсангов*, издателю порой приходилось угадывать личность или национальность говорящего, и он приносит свои извинения за возможные ошибки.

Об одной особенности, возможно, нелишне упомянуть. Единственный реквизит Карла – его собственная ладонь, которую он использует в качестве символа Сердца и трех аспектов, или состояний, переживания. Когда Карл заводит речь о Я, или о том, что он называет «Сердце», он выставляет сжатую в кулак руку. Когда он говорит о «я», или чистой осознанности, то поднимает вверх большой палец. Когда речь идет о «я есть», или бесформенном, неотождествленном сознании, он поднимает большой и указательный пальцы. А когда он заводит речь о «я есть такой-то и такой-то», или о сознании, отождествленном с формой, то поднимает большой, указательный и безымянный пальцы.

Сатсанги проводились с десяти утра до полудня на крыше частного дома, одновременно являющегося закусочной «Рагини», недалеко от ашрама Раманы Махарши (Шри Раманашрамам) в городе Тируваннамалае в Тамил Наду³.

Узкая лестница ведет на крышу Несмотря на тент, натянутый над ней, по бокам она открыта ветрам и яркому солнечному свету Пространство крыши полностью лишено декора. На бетонном полу лежат несколько матов, а позади сто-

³ Тируваннамалай лежит у подножия горы Аруначала, которую ассоциируют со стихией огня. На протяжении столетий это место считается священным и привлекает множество мистиков и мудрецов.

ят пять или шесть стульев для тех, кому сидение на полу может показаться неудобным. Обычный стул красуется впереди в ожидании Карла.

Собирается группа от тридцати до пятидесяти человек – весьма интернациональный замес. Многие знакомы друг с другом, годами пересекаясь в ашрамах и духовных ретритах. В помещении царит атмосфера расслабленности, пока люди болтают друг с другом на нескольких языках. Точно в условленное время входит Карл и присоединяется к болтовне, приветствуя собравшихся и справляясь об их здоровье. Но вскоре группа затихает в ожидании начала беседы, проходящей в форме вопросов и ответов. Близость несмолкающего уличного шума на заднем плане проступает вперед – моторикиши и мотоциклы, звонки велосипедов, играющие и плачущие дети, разносчики, выкрикивающие свой товар, орущие рабочие, орудующие молотками и дрелью, птицы, коровы, собаки, обезьяны...

С первым же вопросом Карл говорит только с Тем, которым вы являетесь, – с убойной логикой, безжалостным состраданием, непочтительностью и неуместностью, запутывая то, что можно запутать, – и комната превращается в сбивалку для души. *Сатсанг* Карла – это не простая выработка концепций, но переживание танца Шивы, самого создателя, хранителя и разрушителя. Но прежде всего, говоря словами Карла, «это Само-развлечение, всю дорогу».

ИЗ ЕДИНСТВА ВСЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ, ИЛИ КОНЕЦ «БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ» *Январь 15, 2004*

Разбивая ум, разбивая сердце

Карл: Доброе утро!

Маттиас: Доброе утро, Мастер.

Карл: Мастер? И тебе «доброе утро, Мастер»? Столярной мастерской. Сейчас с нас снимут стружку. (*другим присутствующим*) Привет! Как Мехико? Хорошо. Привет, с Францией все в порядке?

Вики: (*о французе*) Да. Он возвращается. Операция не нужна.

Карл: Вероятно, один вид больничной палаты заставил его передумать! (*смех*)

Вики: И доктор, который рассказывает обо всем, что может пойти не так.

Карл: Ага, прямо как стоматолог. Хорошо. О, Франческо, после вчерашнего ты выглядишь начищенным до блеска! Он побывал у парикмахера.

Франческо: Когда он меня постриг, то спрашивает: «Нравится?»

Карл: (*дразнит*) А ты решил, что лучше уж промолчать, да? Ну вот опять. Если не будет вопросов, то я продолжу говорить о перипетиях Франческо. (*смех*) Думаете, теперь получится?

Французенка: Я не знаю. Я жду вопроса. А потом посмотрю. (*смех*)

Карл: Хорошо, посмотрим. Выглядит многообещающе. Джеймс, звук был такой, как будто у тебя что-то есть.

Джеймс: У меня простуда! (*смех*)

Немка: У нас сегодня эмоциональная карусель.

Карл: Кружение по кругу. Эмоциональное кружение!

Мексиканка: У меня вопрос. В чем смысл слов Раманы о том, что когда ум разбит, то мы попадаем в сердце? Я много раз пыталась понять, что это значит. Это что-то вроде *коана*, который решают монахи? В чем разница между «убить ум» и «разбить ум»? Что означает «разбить ум»?

Карл: У тебя разбито сердце.

Мексиканка: А какое отношение это имеет к «расщепленной секунде», о которой ты говоришь? Разбитый ум подобен расщепленной секунде?

Карл: Это когда разбивается сердце.

Мексиканка: Ты всегда говоришь «сердце».

Карл: Когда сердце разбито, у тебя начинается существование с разбитым сердцем. Ты больше ни во что не влюблена.

Когда сердце полностью разбито, в эту самую расщепленную секунду исчезает ум. Ум существует только пока есть сердце – любящий и нечто любимое. Однако с разбитым сердцем больше нет ума, потому что ты больше ни к чему не привязана.

Поэтому разбитый ум по сути означает разбитое сердце. Сердце полностью разбито в тот момент, когда любящего больше нет и нет объекта любви. Когда объект любви исчезает, исчезает любящий, а с разбитым сердцем исчезает и ум. Ум существует только потому, что есть любящий и нечто любимое, что-то, что тебя волнует. Это одно и то же.

В эту расщепленную секунду ты утрачиваешь всю склейку. Ты больше не имеешь понятия о чем-либо. Твое сердце разбито, больше нет любящего и любимого, и исчезла даже сама идея «любви».

Мексиканка: Это все то, о чем ты постоянно говоришь.

Карл: Да, всегда указывая на То.

Мексиканка: Ну так и что это за «расщепленная секунда»?

Карл: Оно разбивается в расщепленную секунду. Ты можешь вдавливать его какое-то время, но позже оно снова выскочит. Когда оно разбивается, то разбивается мгновенно, а не в замедленном режиме. Поэтому это называется «разбивание сердца». Момент, когда оно разбивается, – это расщепленная секунда. Время отсутствует. Все остальное, вроде медитации, может прогнать его, но ты не сможешь его раз-

рушить. Оно разбивается мгновенно, потому что мгновенно разбиваются все идеи взаимоотношений. Это означает быть с разбитым сердцем.

Когда ты утрачиваешь ту абсолютную любовь к себе, то больше никого не остается. Это расщепленная секунда. Ты выпадаешь из того существования. Это не что-то, к чему можно прийти путем понимания или еще как-то. Это просто возникает путем отказа от любви к самой любви.

Аико: Тогда что значит «открыть сердце»?

Карл: Это хирургическое вмешательство, но оно не разобьет сердце. Оно просто его откроет.

Аико: Оно должно быть открыто, прежде чем разбиться?

Карл: Нет. «Открытое сердце» подобно «сердцу единства», благодати или чувству единства. Оно больше не может разбиться. Оно разбивается здесь – будучи влюбленным в мир и затем утрачивая эту любовь. Но не путем движения к тому единству или другому месту, куда можно приземлиться. Оно должно разбиться здесь, сейчас, а не в каком-то особом состоянии.

(слышен отдаленный звук взрыва)

Аико: Можно ли раствориться в единстве? Это другой способ избавиться от ума?

Карл: Нет. Из единства все возвращаются обратно. То, что является любовью, является единством, и оно всегда возвращается к разделению любящего и любимого. Многие люди от относительной любви приходят к единой любви, но за-

тем прекрасная девушка или молодой человек встречается им на пути, и они снова возвращаются к тому, с чего начали. В любом случае, это не имеет никакой ценности. Это блаженство единства мимолетно. Оно многое обещает, но ничего не дает.

Аико: У меня есть *гуру*, и он – сама любовь.

Карл: Кто так говорит?

Аико: Я это вижу.

Карл: Кто это видит? Кто определяет это? Кто устанавливает критерии любви? Ты.

Аико: Это моя надежда.

Карл: Это твое мнение.

Аико: Это моя проекция.

Карл: Это твое страстное желание, это твоя преданность, все, что угодно. Именно ты порождаешь их. Это твое представление о том, каким все должно быть. Потому что ты жаждешь То, ты рисуешь себе образ, а затем проецируешь его на того *гуру*. Но это по-прежнему относительная любовь. Какую бы любовь ты ни испытывала, она относительна. Подчеркиваю, в этом нет ничего плохого. Я просто обращаю внимание на то, что ты можешь идти к тому месту единства и любви, но куда бы ты ни пришла, тебе снова придется уйти.

То, которое есть ты, при любых обстоятельствах останется Тем, что оно есть. Все, чему требуются особые обстоятельства, вроде определения любви, – зависимость. Любовь, которая делает тебя зависимой, конечно же, не есть свобода,

которую ты ищешь. Поэтому ты вновь одеваешь ее в форму, выбирая для этого некоего возлюбленного *гуру*. Это нормально, пойми только, что это не свобода.

Роза: Ум существует?

Карл: Существует, как существуют облака. Облака существуют? На какое-то время да; потом прошел дождь – и они исчезли.

Роза: Значит, это просто пучок мыслей?

Карл: Одна мысль, окруженная другими мыслями. Но когда ты хочешь, чтобы они исчезли, ты делаешь их реальными. В один прекрасный день облако проливается дождем, а затем исчезает. Таков ум. Он снова становится облаком, затем снова идет дождь, а затем опять появляется облако. То, что является водой, всегда вновь создает облако.

Роза: Что значит, когда говорят «ум падает в сердце» или «ум растворяется в сердце»?

Карл: Это когда сердце разбито. Тогда это пустое Сердце. И только эта пустота может вместить в себя полноту существования. В этой полноте существования больше нет места уму, потому что ума не существует в полноте Того, что есть. В этом разбитом сердце, в котором Сердце абсолютно свободно ото всякой идеи любви или свободы, может содержаться тотальность.

Но как только появляется определение любви, или тот, кто определяет *любовь* как «единство», или «божественность», или еще как-нибудь, оно оккупировано. Начинает-

ся захват и обладание. Появляется кто-то, дающий определение чему-то. Определяющий – это ум. Но в пустоте Сердца нет места для определяющего. Поэтому эта пустота Сердца содержит абсолютную тотальность существования, а не какую-то идею. То первое представление обо «мне», «я»-мысль, идея обладания захватывает все.

Роза: А наиболее близкое слово – хотя всякое слово будет ограничением – это «*недвижимость*»?

Карл: Само То есть *недвижимость*, но эта *недвижимость* не знает *недвижимости*. Это просто указатель на То, с которым никогда ничего не случилось. В нем нет возникновения и ухода. Оно недвижимо в себе. Оно никогда не пребывает во времени или вне времени. У него вообще нет никакого определения. Оно настолько совершенно в себе, что ему даже не надо существовать, чтобы существовать. Оно далеко за пределами запредельного!

Клара: Карл, это что-то вроде *сатори*?

Карл: Да, хотя и нет. Что пробуждается, по-прежнему спит. Сама идея «пробуждения» усыпляет тебя, и то, что может проснуться, по-прежнему спит. Никогда не было того, кто бы не был пробужден, и никогда не будет того, кто пробужден. Обе идеи заставляют тебя спать. Обе появляются одновременно и одновременно исчезают. Для того, что ты есть, никогда не будет никакого *сатори*, но для того, кто испытывает потребность в *сатори*, существует *сатори*. Хотя его не существует.

Тереза: Карл, для того, чем ты являешься, эта расщепленная секунда тоже не имеет значения?

Карл: Нет. Ты жаждешь этого. Это имеет абсолютную важность. Важно только это: избавиться от любви к себе. Более ничего. Все остальное блекнет перед твоим желанием прийти к той бессердечности, которой ты являешься. Эта бессердечность есть свобода от идей, от того, кто любит или не любит, от того, кто беспокоится. Эта беззаботность – вот чего ты так страстно жаждешь. То самое Я сидит здесь в жажде этой беззаботности. Вот и все.

Тереза: И с этим ничего не поделать?

Карл: В ту долю секунды твое сердце разбивается полностью. Не остается никого, потому что в разбитом сердце больше нет никаких представлений. Поэтому у тебя больше нет привязки к чему-либо. У тебя нет взаимоотношений, потому что больше нет второго. Ты в абсолютном одиночестве. Ты больше не можешь его избежать.

Ты – это абсолютный провал

Тереза: То есть, если я буду лежать на смертном одре, а расщепленная секунда так и не случилась, значит, я потерпела провал?

Карл: Ты всегда терпишь провал! Это провал, что ты всегда будешь терпеть провал. Ты понимаешь, что нечего приобретать, нечего терять. Ты – это тотальный провал, потому что все, что ты делала, ничего не дало. Ты – это абсолютный провал, прямо здесь и сейчас, не волнуйся! (*смех*) Ты всегда будешь проваливать себя.

Георг: Как может Я желать чего-либо? Если существует недвойственность, как может Я жаждать беззаботности?

Карл: Просто принимая призрачный образ за реальный. Оно создает образ себя, а затем оказывается в ловушке этого образа, принимая его за реальный. Что еще может принимать нечто за реальность? Являясь Источником воображения, только Я может вообразить себе что-то, а затем шагнуть из этого Абсолюта в относительный опыт. Любое возможное переживание – это всегда Я.

Георг: Все это делает Я?

Карл: Что бы ни делалось, делается Тем, которое ничего не делает. Это сродни сновидению, поэтому оно ничего не делает, и, тем не менее, это Я переживает опыт Я в сновидении о себе.

Георг: Когда нет разницы между сном и реальностью, *сон* – это только слово. Если в нем происходит переживание, значит, переживается что-то.

Карл: Что бы ни переживалось, переживается этим Я, переживающим аспект Себя. Нет ничего, кроме Того.

Георг: (*со смехом*) Ну ладно!

Карл: Спасибо большое. (*смех*) Часть опыта заключается в том, что ты становишься дживой, маленьким «я», для того чтобы пройти через переживание отделенности, той сновидческой отделенности, и затем выйти из нее.

Георг: Звучит несколько заковыристо – вся эта дуальность внутри недуальности.

Карл: Ага, все сводится воедино, когда ты реализуешь себя. Все это является частью твоей абсолютной реализации. В абсолютной реализации присутствуют отделенность, единственность и осознанность – как триединство твоего бесконечного тела или какого-либо проявления. Ты не можешь *не* реализовать себя, и часть этого – отделенность. Так что же? Для пребывания Тем это не имеет значения. Это то, чем ты являешься.

Георг: Тогда какого черта То так напрягается? Почему оно испытывает это желание?

Карл: А почему бы нет?

Георг: Да, почему бы нет?

Карл: Если терять нечего, бог ты мой, можно и напрячься, но оно не напрягается совершенно. Оно может дать все,

ничего не давая. Ему нечего терять, бог ты мой!

Георг: Ну а как насчет всей этой заморочки с желанием?

Карл: Ага, почему бы и нет?

Георг: (*со смехом*) Почему бы нет!

Карл: А какие проблемы с желанием?

Тереза: Потому что оно продолжает создавать ощущение провала.

Карл: Прекрасно. Почему бы нет? Прекрасный опыт неудачника. Что плохого в том, чтобы быть неудачником? Будь счастливым. Счастливым неудачником. Кого это волнует? (*смех*)

Женщина: А с другой стороны, это желание отражает представление о том, что ты можешь что-то получить.

Карл: Да, почему бы и нет? Тебе нечего терять. Даже в отсутствии желания нет преимущества. Почему бы не желать? Ты – это беспомощность. Ты не можешь решить, желать тебе или не желать, вот и все. Так почему бы нет?

Вики: Желание приносит боль!

Карл: Уф! Я тебе говорю, что эта боль, как и любое твоё переживание, – абсолютное наслаждение для Того, которым ты являешься.

Вики: Но не для меня!

Карл: «Я» – это часть наслаждения. «Я» никогда ничем не наслаждалось! Оно – часть наслаждения Того. «Я» – это идея, и оно не может ничем наслаждаться. Все, что переживается, переживается самим переживанием, тем Абсолютом.

Этот Абсолют не может не наслаждаться собой. Он есть сама радость, потому что в нем – тотальное отсутствие всего, всякой идеи о радости или безрадостности.

Томас: Тогда какая в этом может быть радость?

Карл: А как в этом может не быть радости? Это только название для того, что является радостью, потому что в ней – полное отсутствие всего. Ты – это тотальное отсутствие всякой идеи о том, кто испытывает или не испытывает радость, и это – Абсолют, наслаждающийся, не зная радости. Так что эта радость не знает радости.

Томас: И не испытывает ее. Если она не знает ее, тогда как...

Карл: Быть Тем – это сама радость.

Томас: Но сама радость так или иначе определяется путем переживания.

Карл: Разницы нет. Оно определяет себя во всем, но само не поддается определению. Оно определяет себя как «радость» или «безрадостность», как «война» или «мир», но что бы ты ни определял, это возникает из того абсолютного Источника, и этот абсолютный Источник определить невозможно. Этот абсолютный определяющий не может быть определен, но он определяет себя во всем, что только можно себе вообразить.

Поэтому воображение – это определение того определяющего в процессе постижения того, что это, но постижением оно не является. Это по-прежнему То, постигающее се-

бя. Оно никогда не было частью постижения. Оно здесь, сейчас – То, постигающее себя, а не его отражение. Разве это не прикольно? (смех)

Давайте же! Наслаждайтесь, а то наслаются вами. Это все, что я хочу сказать. Радость никуда не денется, нравится вам это или нет. (смех) Поэтому вы можете быть Тем, которое наслаждается собой, абсолютно, или вы можете стать его наслаждением. В чем проблема? И то, и другое – не проблема.

Томас: То есть, это своего рода «да» всему.

Карл: Никто не говорит «да».

Томас: Никто не говорит «да», но присутствует приятие.

Карл: Кому это надо? Кому нужно это приятие? Забудь. Забудь это слово. Самому приятию не требуется приятие.

Если чему-то требуется приятие, то не Тому, которое есть приятие. Что делать?

Это не *твое* приятие, поверь. В том-то вся проблема! Ты не можешь положить приятие себе в карман и взять с собой до конца твоего так называемого бытия. Это личность – «я» – все время пытается быть счастливой и принять, что есть. Но ты никогда не сможешь принять То, которое есть.

Тереза: Но даже с этой попыткой я ничего не могу сделать?

Карл: О Господи!

Тереза: Нет, я спрашиваю.

Карл: О да, «я спрашиваю»! Тебе нужна освободительная

грамота или что-то в этом духе? Вечное освобождение от ответственности. «Я ничего не могу сделать. Я не деятель. Я не могу помочь себе». Ну так в этом тоже нет ничего страшного. «Я не виновен!» Но Тереза всегда виновна. Она – это сама вина. (смех) Вот подтверждение!

Тереза: (со смехом) Счастливая вина и счастливый провал!

Карл: Постоянно подкалывает сама себя. Своим мечом. «Я не виновата!» (смех)

Тереза: Знаешь, когда мы ездили в Португалию, мы никогда не заводили там подобного рода разговоры; как только я вижу тебя, словно что-то исчезает. Четыре месяца не было никаких внутренних дискуссий, никаких настроений, эмоций, то поднимающихся, то утихающих...

Карл: Ой, да брось! Никаких дискуссий с собой, любимой? (смех) Как я всегда говорю, я могу только сидеть здесь и разводить «ля-ля», чтобы ты могла видеть, что разницы нет. Нет проблем, ля-ля-ля.

Франческо: Тогда почему ты не расскажешь нам всем о чем-нибудь прекрасном?

Карл: О Господи. Я поговорю с твоим парикмахером. (смех)

Франческо: Это только «ля-ля-ля»! Разговоры, разговоры, разговоры. Да уж, это тебе нравится.

Карл: Ага, мне нравится.

Франческо: (дразнит) Это по-немецки! (смех)

Карл: (*дразнит*) Стаккато. Это то, как говорят итальянцы.

Франческо: Это скучно.

Карл: Особенно вчера. Ты больше не мог думать. Я видел. (*смех*) Целиком там. Я видел это в отражении их глаз.

Франческо: Что делать?

Карл: (*группе*) Вам следует знать, что здесь клуб брахмачариев. (*указывает на несколько человек, сидящих сбоку, включая Франческо*) Семь лет, девять лет, десять лет без секса. А тут однажды молодая женщина сидела без нижнего белья, и они все заметили. (*смех*)

Франческо: Не только я. Многие видели.

Карл: О да, другой парень даже пошел и пересел с этой стороны на другую. (*смех*) Я же говорю, бытие – это такой режиссер!

Франческо: Это ничего не меняет. Кого это волнует?

Карл: О, разве это не было мило, Франческо? Ты увидел ее и сразу же отправился к парикмахеру.

Франческо: Может быть, она вернется. (*смех*)

Карл: Ты был выбрит, полностью. О'кей. (*смех*) Делать вот так – опасно.

Лиз: (*со смехом*) Иногда, когда ты тянешься, это вызывает беспокойство. Ты – само растяжение!

Милость разобьет твое сердце

Мистер Рао: Ты сказал: «Пытайтесь принять, что есть, но вы не можете принять, что есть». Я не понимаю. Как это нельзя принять, что есть?

Карл: Вы не можете принять существование, потому что само существование – это уже кризис. С первого понятия о существовании начинается кризис. Вы уже находитесь в кризисе с этой «я»-идеей. А затем с «я есть» начинается кризис «я есть такой-то и такой-то». Вы не можете принять это. Потому что страстное желание, тот, кто *может* страстно желать, возможность желания начинаются здесь. Быть может, желания и нет, но возможность всегда будет оставаться с этим первым понятием о существовании. Его вы не можете принять.

Но у Того, что есть, с этим нет проблем, поскольку оно есть само приятие. Нечего принимать, можно только быть Тем, которое пребывает без второго. Когда вы есть То, что есть, безо всякой идеи о том, чем вы являетесь и чем не являетесь, когда нет второго, тогда вы – это приятие, потому что больше нечего принимать. Нет даже идеи о «существовании». И тогда больше нет абсолютно никакой необходимости в приятии, вообще никакой потребности в Том, чем вы являетесь.

Поэтому полное отсутствие всякой идеи о том, быть или

не быть, есть То, и тогда вы есть приятие. Но тогда больше нечего принимать. Поэтому я говорю, что вы никогда не сможете ничего принять, поскольку вы уже являетесь приятием. Вы не можете обладать большим приятием того, что есть, поскольку вы уже являетесь самым приятием, вам нечего обретать путем относительного приятия.

Что с этим делать? Вам нечего добавить к тому абсолютному приятию, которым вы являетесь! И тогда, когда вы принимаете, – что тогда? Что? Все это приходит и уходит, мимолетные тени приятия. Только вы достигнете некой системы контроля приятия и понимания, как на вас опять наедет верблюд. Оттопчет ноги. Выхода нет. Принять что-то вы можете только как личность, но *вашим* приятием оно не будет.

И мы не можем пойти дальше этого. Это предел. Он называется *сатори*. Это выход из желания в «нежелание». Но это все. Вы не можете разбить свое собственное сердце. Оно будет разбито, когда разобьется. В ту самую долю секунды, ни секундой раньше, вопреки всему, случившемуся ранее, с вашим приятием или без него, несмотря на все сделанное, понятное или непонятное, – оно разобьется именно в это самое мгновение. Все.

Клара: Что означает «нежелание»?

Карл: *Нежелание* означает отсутствие желания.

Клара: Это безразличие?

Карл: Отсутствие желания различия? Желание безразличия? Хорошая идея! (*смех*) Желая безразличия, ты все рав-

но проводишь различие в желании безразличия. Даже идея «безразличия» отличается от прочих. Абсолютная привязанность к непривязанности. О бог ты мой. «О, я так непривязана!»

Роза: Ты можешь рассказать о милости?

Карл: О милости? Да я же говорю о тебе постоянно! (смех) Я только и делаю, что говорю о милости. Я всегда говорю о Том, которое есть милость. То, что является милостью, является Тем, которое есть Я. То, которое есть милость, является тем, что есть вы. А вы ищете милость, и в этом ваша проблема.

Роза: Мне просто хотелось услышать, что ты скажешь о милости.

Карл: Но я не могу говорить о милости, потому что милость невозможно найти.

Роза: Точно. Это то, что я хотела услышать.

Карл: Как и всякий искатель, который ищет милость повсюду, по всем измерениям, когда найти ее невозможно. Наоборот! Если милость нацелилась на тебя, тебе не спрятаться. Поэтому, когда милость нацелилась на тебя, она разбивает твое сердце. Потому что милость разбивает все представления; все концепции уничтожаются этой милостью. С уничтожением всех идей ты становишься полностью пустым, и это разбивает твое сердце.

Это как бесчувственность. Ты не можешь справиться с ней; ты не можешь жить с ней. Эта бесчувственность, эта пу-

стота, свободная от всяких представлений, – ты не можешь иметь с ней дело, ты не можешь объять ее, не можешь существовать в ней. Она разобьет тебе сердце. Она разобьет твоё представление о «существовании». Твоя любовь к каким бы то ни было объективным представлениям о существовании будет сметена по воле милости. Милостью милости. (*смех*) Она сметаёт! Уплетает за обе щеки всю глупость.

Георг: Подвергает немилости.

Карл: (*со смехом*) Подвергает немилости!

Мэри: А что, если любовь будет становиться все сильнее и сильнее, и даже еще сильнее, пока мы не станем достойны...

Карл: Достойны?

Мэри: Достойны этого разрушения, этого окончательного блаженства.

Карл: Дорогая моя, для этого ты никогда не будешь достаточно чиста!

Мэри: Не делаясь все чище и чище, а благодаря все большей и большей любви к истине.

Карл: Твоя любовь слишком грязная! Никто не хочет твоей любви! Грязная любовь. Идея «любви» грязна. Еще больше любви – грязно. Количество любви грязно. Даже идея «количества любви» грязна. Ты предлагаешь мне грязную идею. Ты – сама грязь в тот момент, когда хочешь получить любовь.

Мэри: (*мягко*) Но любовь...

Карл: Какая любовь? «Давай поговорим о любви, дорогая!» (смех)

Мэри: Мне хотелось знать, что ты скажешь на этот счет, и я получила ответ.

Карл: Ты никогда не будешь достаточно готовой или достаточно зрелой, что бы ты ни делала.

Мэри: Любовь – это не попытка созреть. Любовь не пытаясь...

Карл: Какая любовь?

Мэри: Любовь подобна...

Карл: Чья это любовь?

Мэри: Любовь – это не «я-мне-мое». «Я-мне-мое» – это не любовь. «Я-мне-мое» – это хотение.

Карл: Да что ты говоришь! Ты хочешь контролировать то, чем ты являешься, путем любви к себе, желанием созреть для этого. То есть, ты так или иначе хочешь контролировать это *своим* желанием сделать что-то, стать чем-то. Какова идея! Какая грязная идея. Ты хочешь контролировать бытие! Каким образом? Боже ты мой.

Мэри: Спасибо.

Карл: Пожалуйста. От всей души пожалуйста. Это всегда так красиво звучит.

Мэри: Я не пыталась звучать красиво.

Карл: О, да брось ты! Забудь.

Моника: (поет) «All you need is love, da da da da da»⁴.

⁴ Все, что вам нужно, это любовь.

(остальные подхватывают)

Карл: «Maybe I'm not the only one». «Let it be»⁵. *(смех)*

⁵ «Может быть, я не один»; «да будет так».

Игра божественной любви

Мэри: Давай еще немного разберем это. Мне необходимо больше разобраться в этом.

Карл: Что?

Мэри: Любовь – это отдавание. Это не хотение. Это не просьба. Подлинная любовь – отдавание.

Карл: Какая подлинная любовь? Сама идея «подлинной любви» – фигня.

Мэри: У божественной любви нет цели.

Карл: Какой цели? Ты хочешь положить это в свой кошелек. Ты хочешь подобрать этому определение, а это означает положить это в кошелек твоего обладания неким пониманием и определением любви. Ты загрязняешь ее. Что бы ты ни говорила, *что бы* ты ни говорила о ней, ты загрязняешь ее!

Мэри: Мне есть кого порекомендовать в этой связи.

Карл: Порекомендовать? Ты стала поручителем любви?

Мэри: Мехер Баба.

Карл: Мехер Баба! Али Баба! Ты одна из сорока разбойников, что ли? (*смех*) «Сезам, откройся!» Моей красотой и моим сердцем откройся, Сезам!

Мэри: В любви нет «моего».

Карл: Значит, нет «моей» любви? Как низко. Ты по-прежнему все принижаешь.

Мэри: Я хотела сказать тебе, что любовь, истинная лю-

бовь, не может быть осквернена желанием.

Карл: Конечно. Даже так называемая «истинная любовь»...

Мэри: Я имею в виду...

Карл: Что бы ты ни сказала, боже ты мой, забудь об этом! Романтическая фигня.

Мэри: Нет, это не имеет к тому никакого отношения. «Романтическая» – вот это фигня.

Карл: Это романтическая фигня; эта божественная романтика – еще большая фигня! (смех)

Мэри: Истинная любовь – не для робкого или слабого сердца. Это романтизм. Речь не об этом.

Карл: О Господи. Всегда «речь не об этом». Ля-ля-ля.

Мэри: Не буду, не буду. Спасибо тебе за язвительность. Потому что говорение – это всегда «я-мне-мое». Но это концепция, которая действительно...

Карл: Что? Опять концепция.

Мэри: ...которая выходит за свои пределы.

Карл: В немецком мы называем это «*Kotzept*» – от слова «рвота»⁶. Тебе необходима рвота.

Мэри: Божественная любовь – это не концепция!

Карл: Это *Kotzept*. Нужно, чтобы тебя вырвало этим. Выблуй это, здесь и сейчас! (смех)

Георг: Концепция. *Kassette*⁷.

⁶ Глагол «kotzen» в немецком – «блевать», «рвать».

⁷ Денежная шкатулка.

Карл: *Kassette!* Ты хочешь положить любовь в шкатулку со своими идеями.

Мэри: Это дар.

Карл: Это дар, да! Английское слово «дар» в немецком означает «яд»⁸. Это крайне ядовито! (*смех*)

Мэри: Божественная любовь – это дар Бога.

Карл: Какого Бога? О каком Боге ты говоришь?

Мэри: Едином.

Карл: Каким Едином?

Мэри: Я.

Карл: О каком Я ты говоришь?

Мэри: Даже Рамана говорит...

Карл: Даже Рамана! Теперь ты даже цитируешь Раману! Ты хочешь привлечь все источники, лишь бы отстоять свою точку зрения или что? Рамана, Мехер Баба, Тралала, Фалала! (*смех*)

Мэри: Подлинные мастера не отличаются друг от друга.

Карл: Подлинные мастера! Что такое – «подлинный мастер»?

Мэри: Подлинный мастер – это реализованное Я.

Карл: Подлинный мастер не знает никакого подлинного мастера. О чем ты говоришь? Ты хочешь быть подлинным мастером. Это то, чем ты хочешь быть. «Нет, нет, не я!»

Мэри: (*со смехом*) Не хочу, правда, не хочу. Но я действительно испытываю благоговение перед этой божествен-

⁸ Gift – дар, das Gift – отравка, яд.

ной любовью, этой нецеленаправленной...

Карл: Ты жаждешь всего, что можешь положить в карман *своих* переживаний.

Мэри: Невозможно жаждать этого; это дар.

Карл: Какой дар? Ах, забудь. Будь одаренной.

Роза: Ты предлагаешь не говорить об этом?

Карл: Ты можешь говорить об этом, но не можешь уговорить это появиться и не можешь уговорить исчезнуть.

Роза: Это должно быть.

Карл: Я понятия не имею! Любое представление как бы содержит в себе грязь. Какой бы смысл ты ни вкладывала в него, какое бы слово ни использовала, для Того это грязь. То не знает ничего о «божественном», или Я, или каком-то мастере.

Мэри: Верно.

Франческо: *(со смехом)* Это правда.

Мэри: Это я чувствую. Это то, о чем я говорила. Но я чувствую, что ты должен знать больше о том, что я говорю.

Карл: Почему я должен что-то знать?

Мэри: О, ладно.

Карл: Ты хочешь контролировать меня, считая, что я должен что-то знать. Нет? Ты хочешь моего согласия. Ты ищешь подтверждения.

Франческо: Я тоже. *(смех)*

Карл: «Пожалуйста, подтверди мое представление о „любви“! Если бы ты только смог понять мою идею! Как мне

представить ее тебе? Пожалуйста, возьми ее. Съешь!»

Мэри: Знаешь что? Я не хотела этого, честно.

Карл: Ладно, не парься.

Франческо: «Don't worry, be happy». «Завтра будет новый день».

Карл: Новый день может никогда не прийти, слава тебе, Господи.

Франческо: *(со смехом)* Проблема в том, что приду я.

Карл: *(со смехом)* Ты всегда приходишь, каждый день. Что поделать!

Обнимая одиночество

Карл: Вопрос? Я не такой плохой, каким кажусь, – возможно, я еще хуже! Мексика, что у тебя?

Мексиканка: Когда говорят «нет, нет, нет, не то, не то, не то», отрицая все, – может ли что-то произойти, если выждать.

Карл: Может быть, может быть и нет. Это всегда «может быть», спекуляция. Все, что ты можешь сказать, все, что можешь выдумать, – спекуляция на эту тему.

Женщина: Нет, мне на самом деле это нравится.

Карл: Я могу говорить лишь о том, когда расщепленная секунда действительно разбивает твое сердце. И тогда сердца больше нет. Это все. Тогда у тебя больше нет склейки с чем-либо. Потому что без этой склейки идей или чего-либо в этом духе остается То. Но То было всегда.

Мэри: Значит, это божественная любовь.

Моника: Она опять за свое!

Карл: Забудь об этом! Может быть, если ты выпьешь достаточное количество вина, ты окажешься в божественной любви.

Мэри: Может быть, мне следует использовать другое слово.

Карл: Да, может быть. Может быть, не делать это таким уж особенным?

Мэри: Ты использовал слово «покой». Ты не боишься употреблять это слово.

Карл: Покой, да. Может быть, оно больше подходит.

Мэри: Покой. Удовольствие. Любовь. Пение.

Карл: Нет, нет. Покой – это сама радость, потому что нет второго. Однако отсутствует идея покоя.

Мэри: В любви нет второго.

Карл: Ага, но это «нет второго» по-прежнему предполагает второго.

Мэри: Хм?

Карл: Это «нет второго» в любви, это единство по-прежнему является вторым.

Мэри: В покое нет второго; нет второго в любви.

Карл: Я не говорю об этом «без второго» в единстве. Я не говорю об этой «единой любви». Я не говорю о любви Бога, любящего себя...

Мэри: Я – это сам покой, само счастье, сама любовь.

Карл: Но оно не знает покоя.

Мэри: Сам покой, сама любовь.

Карл: Можешь назвать это «само нижнее белье». (смех)

Мэри: Так же сама любовь. Почему я должна стесняться этого слова «любовь»!

Карл: Потому что это столь возвышенный символ, который просто делает это таким особенным.

Мэри: Тогда ты произнеси его.

Карл: Ты это делаешь с его помощью. Просто назови это

«божественное нижнее белье», и я успокоюсь! (смех)

Мэри: А почему надо бояться? Ты же не боишься слова «покой». И слово «блаженство» тебя не пугает.

Карл: Что бы ты ни сказала, мне все равно придется это разрушить. Так что забудь об этом!

Мэри: Возможно, дело в том, что слово «любовь» слишком затаскано. Его неправильно понимают.

Карл: На него возложено столько ожиданий. Поэтому это называется «Sat-shit-ananda», потому что от дерьма ничего не ждешь.

Мэри: В любви нет ожиданий!

Карл: Что? Как только ты называешь что-либо этим словом, начинаются ожидания.

Георг: Карл, грамматически слово «любовь» требует объекта, а «покой» – нет. Это настолько просто.

Карл: Да, это хорошая мысль. Любовь существует только тогда, когда есть любящий и что-то любимое. Покой – нет.

Мэри: Хорошо. Тогда я добавлю «божественная» к любви. (смех)

Карл: Забудь «de wine»! Бог ты мой. Не пей так много. Ты все еще хочешь напиться?

Мэри: Руми сказал...

Карл: Какой Руми? Теперь у нас пошли кривотолки. Ты превращаешь это в кривотолки. Это Руми их, что ли, распространяет?

Мэри: Руми, Хафиз – они не боялись слова «любовь».

Карл: Ну так и что? Что это значит?

Мэри: Они не боялись слов «покой» или «любовь».

Карл: Тебе теперь нужны какие-то подтвердители? Говори за себя, а не о тех, кто что-то сказал.

Мэри: Я знаю, что это истина. Даже не подумаю идти на попятную.

Карл: Ты знаешь, что это истина?!

Мэри: Я не собираюсь сопротивляться этому слову.

Карл: Нам надо теперь склониться перед ней! Она знает истину. Единственная, кого я знаю, кто знает истину. Завтра утром она даст сатсанг, в девять, у себя. (смех)

Мэри: Я не являюсь этой истиной. Я не чувствую, что являюсь этой истиной. Это интуиция. Я не собираюсь отступить от этого. Это не спекуляция; это не концептуализация. Это само мое сердце.

Карл: Ты – это рот, нашедший сам себя.

Мэри: Я больше не коснусь этой темы.

Карл: Божественная спекуляция! (смех)

Мэри: Интуиция – это не спекуляция. Это совершенно другой порядок.

Карл: Какой еще порядок?

Мэри: А что это за слово «спекуляция»? Есть слово «спекуляция», есть слово «интуиция», существует слово «реализация» – это все разные вещи.

Карл: Но они ничего не меняют. Ты остаешься все тем же дьяволом, который хочет внести различия там, где их нет.

(молчание) Аллилуйя. Бог ты мой.

Лиз: У меня однажды был такой опыт.

Моника: Еще одна.

Лиз: Я сижу здесь с вами и прокручиваю это в голове снова и снова. Мне однажды читали про Шиву. Это было что-то вроде стихотворения, написанного на непонятном мне языке. Но там была одна строка, которая шла рефреном, и я в итоге спросила свами: «Что означает эта строка?» И он сказал: «Не то, не то, не то». Поэтому, когда я здесь сижу, все «не то», и это такое облегчение.

Карл: Поэтому я сижу здесь. О чем бы ни шла речь, все это «не то».

Лиз: (*дразнит*) И тогда через меня прошло просветление. (*смех*) Я дам *сатсанг*. На первом этаже.

Мэри: «Не то, не то, не то» – разве это не любовь? Разве это не дар?

Карл: Нет. Это не может быть дано тебе, ни с помощью строки, ни путем красивых слов, ни как-либо еще – это не может быть дано тебе. Это не дар, не передача.

Мэри: Это милость.

Карл: (*мрачно*) Это даже не милость.

Мэри: Это я имею в виду, когда говорю «дар», – милость.

Карл: Это просто прикол, здесь и сейчас, что милость вообще ищет милости.

Мэри: Кто способен на абсолютное «*neti-neti*», кроме милости? А это любовь.

Карл: Даже милость не способна на это.

Мэри: А у любви нет ожиданий – об этом я и говорю.

Карл: Но ты по-прежнему даешь определение любви.

Мэри: Это не определение.

Карл: Ну конечно же, это определение!

Мэри: Нет!

Карл: О, да брось! Ты проводишь разделение.

Мэри: Любовь не имеет никакого отношения к разделению.

Карл: Даже идея «любви» – это отличие.

Мэри: А как насчет «покоя»?

Карл: То же самое. Какую бы идею ты ни придумала, она вносит разделение. Любовь не проводит различий.

Женщина: И с этим мне надо жить, о Господи! Вот почему у меня проблемы. Со всеми этими концепциями это очень одинокое место.

Карл: Вот поэтому это называется «объятием одиночества», которое есть милость. В нем нет больше представлений о любви или чем-либо еще. Это не блаженство, это не...

Мэри: Это и есть любовь!

Карл: Забудь об этом! Это разобьет тебе сердце, хочешь ты того или нет.

Мэри: Да, любовь разбивает сердце. (смех) Это любовь. Разбитое сердце.

Карл: Да ради бога. О Господи.

Мэри: Хорошо.

Карл: Все в порядке там? Что-то случилось?

Франческо: *(притворяясь, что плачет)* Вопрос, вопрос!

(смех) Бедный Карл!

Карл: Он страдает! Спасибо тебе.

Франческо: Пожалуйста.

Всякое «я» – это враг

Карл: Ты из Берлина? Только что приехала?

Клара: Нет, я уже три недели, как в Индии.

Карл: Все хорошо?

Клара: Это нечто, но я просто наблюдаю, а затем оно снова исчезает.

Карл: О, да просто выплюнь это. Это называется «плеваться честно». Кто-то назвал это «ядровыплевывающей честностью». (смех)

Клара: Мне просто кажется, что сегодня смеяться не так легко, как вчера. Что-то произошло вчера вечером. У меня болело сердце, потому что я поняла, как сильно я привязана к вниманию других и к тому, чтобы на меня смотрели. Какой-то человек сказал всего одну фразу и – бах! – мне просто захотелось взорваться или...

Карл: (дразнит) Ты хотела убить себя, выпрыгнув с первого этажа?

Клара: (со смехом) Нет, я просто почувствовала, как это больно. А позже я прочитала в «Das Buch Karl» [книга Карла Ренца] о войне, и это просто помогло мне понять, что происходит.

Карл: Да, порой эта война не столь явна, но это всегда война, как только у тебя появляется идея о том, что ты существуешь в мире. Это всегда дружественный огонь.

Женщина: А что это?

Карл: Сейчас в Ираке американские солдаты убивают друг друга «огнем по своим». Другой ничем не отличается от тебя, поэтому это всегда огонь по своим. Но они все равно стреляют.

Георг: Это случайность.

Карл: Да, тебя случайно принимают за врага, а ты принимаешь за врага их, и все стреляют. Но называют это «дружественным огнем».

Моника: Но ты в любом случае умираешь!

Карл: Это как мир. Все стреляют, потому что думают, что существует противник. Пока остается противоположное «я», то существуют противники.

Георг: Божественная любовь!

Карл: *(со смехом)* Божественная любовь – это всегда дружественный огонь, а не забота о другом. «Это моя божественная любовь!» Поэтому-то Иисус сказал, что на земле никогда не воцарится покой. Пока существует мир как таковой, существует война. До тех пор пока ты пребываешь в каком-либо мире и видишь мир, длится война.

Ты всегда пребываешь в войне с собой. Как только ты создаешь образ, который принимаешь за реальность, начинается война. В любой момент, когда есть второй, есть война. Даже когда в мире устанавливается мирная ситуация, все равно идет война.

Только То является покоем, которое не знает никакого

покоя. Все, что из него возникает, даже божественная любовь, – это война. И ты борешься за эту божественную любовь, борешься за свободу. Смотрите-ка, Буш посылает такое количество солдат в Ирак просто ради идеи «свободы», и из этой идеи «свободы» возникает война. Из идеи «покоя» возникает война! Из идеи «любви» – ненависть. Даже если вы назовете это «божественной любовью», ненависть все равно никуда не денется. Что бы вы ни говорили...

Мэри: Божественная любовь не имеет к ненависти никакого отношения.

Карл: О, да перестань!

Мэри: Любовь – это часть совершенно другого порядка. Может быть, нам придумать другое слово?

Карл: Какое слово?! Есть только это слово, это слово!

Мэри: Согласна. Но давай не будем смешивать друг с другом вещи, которые не следует смешивать. Например, он с сарказмом говорил о божественной любви.

Карл: Да, я тоже.

Мэри: У божественной любви нет эго. В ней нет «я-мое-мне».

Моника: Кто это определяет? Ты определяешь!

Карл: Кому нужно это определение?

Мэри: Я не знаю.

Карл: Тебе по-прежнему хочется куда-то приземлиться. Вот и все.

Мэри: Любовь – не для робких или слабых сердцем, вот и

все. Она не имеет никакого отношения к эгоизму. Я думаю, может быть, не знаю – причина смеха здесь заключается в слабости и непонимании.

Моника: О, ну хватит. Ты называешь нас слабыми, а ты сильная? *(смех)*

Мэри: Нет!

Карл: Ты устраиваешь войну здесь и сейчас.

Мэри: Разве это вообще не знание?

Карл: Слушай, ты борешься. За что ты борешься?

Лиз: За концепцию.

Георг: За «любовь»!

Мэри: Нет, истинный покой...

Карл: Что есть этот «истинный покой», за который ты борешься?

Моника: Покой – это переживание, а не ля-ля-ля.

Карл: Даже Буш сказал бы: «Я борюсь за истинный мир и за истинную свободу».

Мэри: Нет!

Карл: *(дразнит)* Да, ты американка, я знаю! *(смех)* Ты хочешь принести эту идею даже в Индию.

Мэри: Он-то точно нет, это очевидно! Буш – это фуфло.

Карл: Буш – фуфло? Я люблю Буша! *(смех)* Что это за божественная любовь, которая говорит «Буш – фуфло»?

Мэри: Я знаю, о чем говорю.

Карл: О какой «божественной любви» ты говоришь?

Мэри: Речь вообще не о том. Божественная любовь свя-

зана с истиной.

Карл: Ты говоришь об апартеиде. Ты так отделена! Отделена от сердца.

Мэри: Я не могу понять. Я не понимаю.

Карл: Сначала говоришь о божественной любви, а потом – «Буш – фуфло».

Мэри: Божественная любовь не имеет к Бушу никакого отношения!

Карл: Хорошо, забудь.

Лиз: Буш дерется за *свободу*, которая переводится как «нефть».

Карл: (*указывая на Мэри*) Ага, ей хочется скользкой ситуации. Слово божественная любовь механистична, и ты идешь и меняешь в ней масло.

Берта: Машины могут ездить на воде, а Буш убивает всех этих людей.

Франческо: Почему бы нет?

Группа: Франческо?!

Франческо: Это часть шутки. Почему тебе нравится Буш?

Карл: Не знаю.

Франческо: Мне он тоже нравится. Он пытается сделать то, что по его мнению хорошо.

Карл: Мне еще и Бен Ладен нравится. (*смех*)

Франческо: И мне. Почему бы нет? Это не фильм. Это не внутри фильма. Это сознание, не так ли? Буш приходит

с другой стороны.

Карл: Словно, когда упали башни, Аллах явился в образе Бен Ладена. «Не может быть двух!», и затем «бум!».

Франческо: Только и всего.

Карл: Сознание развлекается, говорю вам. Чтобы оторваться по полной, одиннадцатого сентября Аллах, который един, сказал: «Я единственный Бог, не может быть двух. Денег тоже нет; и множества нет. Множества вообще нет. Я должен кое-что показать. Есть только один – Аллах, великий!» Бух!! Божественная любовь – Бух! Все это возникает из той божественной любви – Бух! Сам Бог принимает меры, чтобы не было второго – Бух! (*смех*)

Мэри: Я думала, что Рамана Махарши был божественной любовью.

Группа: О нет!

Мэри: Почему? Я не понимаю. Помогите мне понять. Что нужно понять?

Тереза: Купи CD.

Мэри: (*со смехом*) Хорошо, я куплю CD.

Некуда приземлиться

Роза: Можно я сменю тему?

Группа: Ура! Браво!

Карл: Спасибо.

Роза: Я не знаю – я здесь впервые – ты говоришь о Я?

Карл: В качестве идеи, указателя. Но Я не знает никакого Я. Есть только без-Яковость, ты можешь назвать это «безлюбовностью», «безбытийностью». Я указываю на ту «безидейность», где все идола – божественность, Бог – исчезают. Об этой Без-Боговости я говорю. Ты есть То, которое есть Бог, но Бог не знает никакого Бога, никакого второго или чего-либо в этом духе. То, о чем невозможно говорить и чему невозможно дать определение, – вот о чем я говорю.

Этот парадокс не поддается решению. Мы говорим о чем-то таком, о чем невозможно говорить. Поэтому мы можем говорить об этом, но разницы нет. Это просто указание на то, что разницы нет, говорим мы об этом или нет.

Для Того, которым ты являешься, не существует различий, что бы ты ни говорила, какие бы определения ни давала. Не существует большего или меньшего. В этом нет количества – ни в идее «божественного», ни в чем-либо еще. Все это исчезает. Это свобода, которая понятия не имеет о свободе.

Роза: Пустота?

Карл: Даже не пустота. Даже пустота – это слишком много. Это То, что является пустотой, и это То, что является полнотой, и это То, что ты можешь назвать как угодно, но у него нет имени.

Роза: Значит, центра в этом тоже нет.

Карл: Нет. Нет олицетворяющего центра, куда ты можешь пойти и купить олицетворяющую идею. Ни одно представление не является этим.

Лиз: Ничего, за что можно удержаться.

Карл: Даже это чересчур. Даже «ничего» – это слишком много. Все – слишком мало.

Георг: Возвращение в центр. Адрес неизвестен.

Карл: Любовные письма. «Возвратить отправителю. Адрес неизвестен». Концепции появляются, а затем «просвистывают» мимо. Вот и все.

Роза: Это твоя работа.

Карл: Ага, это как урожай. Срезание идей. Срубание голов.

Женщина: Понгал⁹.

Карл: Сегодня Понгал. День Кали. Отрубание голов. Расщепление ядра. Расщепление головы. Расщепление кости. Все кости необходимо выплюнуть.

Клара: Карл, я вижу, ты в форме и говоришь сам с собой, и ты производишь на меня весьма забавное впечатление. Я думаю: «А хочется ли мне идти в этом направлении?»

⁹ Индийский праздник урожая.

Карл: Конечно же, нет! (*смех*) Лучше не надо. Ты никуда не попадешь. Никогда не будет никакого попадания.

Клара: Значит, абсолютно ничего! Нет даже «ничего». Это такая игра слов, я знаю.

Карл: Ты совершаешь путешествие, которое никогда не начиналось и никогда не закончится. Никуда приземлиться самолету, которым ты являешься. И нет пилота.

Клара: О Господи!

Карл: Ты все еще ищешь пилота, но его нет. Это автопилот. Нет места посадки, нет аэропорта.

Лиз: Какой кошмар!

Карл: Ты – это кошмар, нравится тебе это или нет. Какой бы сон ты ни принимала за реальность, он становится кошмаром. Поэтому любое приятное сновидение о любви или чем-либо еще – это кошмар. Все это сновидение. Оно делает тебя сновидящим. А пока есть сновидящий, длится кошмар. Сновидящему всегда будет сниться очередной сон. Приятный сон всегда превращается в отвратительный. Счастливое сновидение, несчастливое, без разницы.

Томас: Нет даже смысла в понимании того, что являешься абсолютно несостоятельным. Это ничего не меняет.

Карл: Это абсолютная несостоятельность. Ты потерпишь неудачу в любом случае.

Мэри: Значит, при таком раскладе у любви нет цели. Это подходит.

Карл: Да ради Бога. Делай это. Забери себе. Восседай на

этом. Унеси домой.

Мэри: Божественная любовь...

(Мэри пытается донести свою мысль, но Карл не оставливается.)

Карл: Восседай на этом. Делай все, что хочешь. Тру-ля-ля. Никому нет дела.

Мэри: Ей должно быть отведено достойное место!

Карл: Да, ты решаешь, что достойно, а что нет. Ага, забудь. Большое спасибо.

Мэри: У божественной любви нет цели, верно?

Карл: Большое спасибо за твою любовь.

Мэри: Нет, у меня нет этой любви, этой бесцельной любви. Но это любовь.

Карл: А, большое спасибо.

Роза: Ты разбиваешь ей сердце, прямо сейчас.

Мэри: *(со смехом)* Ничего страшного.

Роза: Такая у тебя работа.

Карл: Такая у меня работа. Я разбиватель сердец.

Франческо: Эй!

Карл: Абсолютный плейбой.

Мужчина: А мы – «Отель разбитых сердец». *(смех)*

Карл: Да, «Отель разбитых сердец» на веселом холме Аруначала. Само сердце.

Другой мужчина: Вчера ты сказал, что изготавливаешь компост.

Карл: Да, все скопом и еще компост – и что получается?

Лотос. Из компоста — божественный лотос. Я обладаю божественным *локусом*?

Тереза: Ага, по-немецки Lokus — это «туалет».

Карл: Верно.

Тереза: Твой язык — это нечто! (*смех*)

Карл: А то!

Тереза: (*дразнит*) Почему же немцы с утра такие серьезные?! (*смех*)

Карл: (*со смехом*) Меня не спрашивай!

Тереза: Что пошло не так? (*смех*)

Карл: Я для тебя недостаточно забавен?

Тереза: Ты неповторим!

Карл: О, в кидании камней! (*смех*)

Тереза: Может быть, это знак того, что ты действительно свободен.

Карл: От чего?

Тереза: От твоего немецкого происхождения. Потому что с тобой так весело.

Карл: Понятия не имею, о чем ты.

Мэри: (*со смехом*) Ты действительно свободен! Ладно, умолкаю.

Карл: Теперь она действительно хочет меня убить. Постоянно оскорбляет меня. Как бы ты меня ни называла, ты меня оскорбляешь.

Роза: (*дразнит*) «Немец!» (*смех*)

Карл: О, я должен смириться с тем, что я микроб!¹⁰

Роза: Ничем не могу тебе здесь помочь.

Карл: Микробы находятся повсюду. Микробов больше, чем людей. (указывая на австралийца) Ему действительно повезло; австралийцев всего семнадцать миллионов.

Австралиец: Двадцать миллионов.

Карл: О, двадцать. В начале восьмидесятых было всего пятнадцать.

Австралиец: Правительство подумывает о том, чтобы выделять парам по пять тысяч долларов на рождение ребенка.

Карл: То же самое в Германии.

Австралиец: Мы не заинтересованы в иммиграции.

Карл: У немцев тот же страх, что они могут вымереть. Восемьдесят миллионов немцев должны теперь —! (смех)

Моника: Ты свою лепту вносишь, Карл?

Карл: Сейчас в Германии, если у тебя нет детей, ты должен платить более высокий налог. Вроде добавочного налога на отсутствие детей. Налог на одиночество. Тебя на самом деле заставляют. Германия становится сутенером, заставляющим тебя заниматься сексом. Вам теперь надо заняться сексом. (смех)

Маттиас: Страна не-брахмачариев.

Карл: Индия была такой же. Это парадокс. Двадцать лет назад сажали в тюрьму за аборт, давали годы тюрьмы за

¹⁰ Игра слов: German – немец, germ – микроб.

аборт. Но несколько лет назад все поменялось, и теперь за аборт ты получаешь десять тысяч рупий. Один день тебя сажают в тюрьму, а на следующий за ту же самую вещь ты получаешь десять тысяч рупий.

Георг: Только транзисторный приемник, Карл. Это не стоит так дорого.

Карл: Это означает, что один день может полностью изменить все.

Лиз: Одну концепцию на другую.

Карл: Это, собственно говоря, сознание. Непредсказуемое. Оно на самом деле сука. Никогда не знаешь, когда оно тебя укусит. Можно какое-то время ласкать щенка: «Щеночек мой, щеночек приятия». Но наверняка не знаешь, когда он тяпнет. Это прекрасно.

Ты никогда не достигнешь любви

Австралиец: Карл, у меня вопрос. Насчет *бодхисаттвы*. У меня никогда не было подобного осознанного переживания в этой жизни. Но в последнее время возникает некая связанная с ним энергия.

Карл: Это твое представление о *бодхисаттве*.

Австралиец: Это даже не представление, однако это все, с чем я могу его связать. Я не знаю, что это. Просто пытаюсь обозначить словом. Но это даже не слово. Мне и слов-то не подобрать. В течение многих летя относился к этому как к совершенно смехотворной идее, смехотворной концепции. Всячески поносил ее. Но необъяснимым образом в теле возникает определенное ощущение, энергия – ощущение отсутствия «я», сопровождаемое связанной с ним энергией. Не знаю. Возможно, я сильно заблуждаюсь, но почему-то объясняю одно другим. Я ничего об этом не знаю и не знаю, знаешь ли ты.

Карл: Рамана говорил об отсутствии «я», которое есть не что иное, как беспомощность. Из чего затем появляется что-то вроде «что это?». В отсутствие «я» ты просто делаешь то, что должно быть сделано. Не задаваясь вопросами. Это не делает кто-то. Ты как бы осознаешь себя в процессе делания.

Австралиец: Даже идея стремления к *мокше*, даже идея о невозвращении, прекращении перерождения – это такая

эгоистичная идея.

Карл: Да. Все это исчезает в Том. Потому что в нем никто никогда не появлялся и никогда не исчезнет. Это все, о чем я говорю, – о той «безвыходности». Что бы ты ни переживал здесь, – это То, чем ты являешься, один из его аспектов; ты не можешь уйти оттого, что ты есть. Оно так же бесконечно, как и ты. Эта реализация того, чем ты являешься, так же бесконечна, как и ты. Это *мокша* – понимание того, что есть только Я. Существует только То, которое есть ты. И из него нет выхода.

Это полная остановка. Даже *мокши* больше нет. Это и есть мокша – свобода от второго, где ты не можешь уйти от того, чем являешься. Никогда не будет никакого достижения – выхода ли, любви – чего угодно. Для тебя не существует любви. Даже ее нет. Все твои мыслимые представления о чем-либо просто исчезают. Из этого нет выхода.

Все идеи происходят из идеи преимущества в нахождении выхода. Лишь полностью остановившись и поняв, что нет такой вещи, как «выход» из того, что ты есть, ты видишь, что То – это то, что есть.

Ты являешься этой энергией, этим отсутствием «я» внутри. Кто-то может назвать это словом «любовь», как она это делает. Существует только абсолютная безвыходность. Она не знает любви, или свободы, или еще чего-либо, потому что это – тотальное отсутствие какого-либо выхода из того, чем ты являешься. Это то, что называется «покоем», беспредель-

ным покоем, но этот покой был всегда. Он никогда не исчезал. Это то, что называется «покоем ума», но ума больше нет. Все, что существует, есть Я. *Все, что существует.* Любая энергия, вибрация, что угодно, есть То, которое есть ты.

Из этого нет выхода, потому что нет преимущества контролирования чего-либо в последующий момент. Все, что ты способен контролировать, есть то, что есть ты, поэтому нет смысла в попытке контроля. Эта бессмысленность делания или неделания, поскольку они не создают преимущества, – это и есть сострадание. То, о чем ты говоришь, есть сострадание. Это сострадание – когда не остается никого, кто мог бы испытывать сострадание, жалость или еще что-либо. Жалость присутствует только потому, что ты жаждешь выхода. И тогда ты жалеешь себя и видишь, как другие делают то же самое. Но когда второго больше нет, ты не знаешь ее.

Это так естественно. В этом нет ничего особенного. Это не «божественная любовь» или еще что-то. Это твоя природа, и эта природа никогда не исчезала. Что с этим делать? Просто выпей еще кофейку, вот и все. За ваше здоровье. *(отпивает из бутылки с соком)*

Австралиец: За тебя!

Карл: Кстати, что бы здесь ни возникало, вроде «божественного», все эти особенные, обособленные вещи не имеют к этому никакого отношения. Ты полностью, абсолютно независим от всего этого.

Здесь, сейчас такая непомерность, потому что вы – эта непомерность, абсолютное бытие

Хуан: Карл? «Я есть» в мире – это одиночество.

Карл: Всякое представление о существовании – это одиночество.

Хуан: «Я есть» тоже одиноко?

Карл: Это потенциальная возможность одиночества.

Хуан: То, что мы понимаем под одиночеством? Или только когда ты существуешь в мире?

Карл: Да, но что такое сознание? Сознание – это осознанность, чистая «я»-осознанность. Тогда «я есть»-ность – это пространство, а «я такой»-ность – один из его аспектов.

Хуан: Но «я» тоже одиноко?

Карл: ТО уже есть одиночество. Из этого одиночества появляется «я есть»-ность, а затем «я такой»-ность, дающая себе определение. «Я», которое есть это [Карл поднимает большой палец, символизирующий состояние осознанности], затем «я есть» [поднимает большой и указательный пальцы], про которое Бог сказал: «Я есть то я есть», указывающее на То, которое есть Сердце «я есть», которое есть это [сжимает пальцы в кулак] – само Сердце, которое есть само Я.

Хуан: Это не одиночество.

Карл: В этом нет одиночества, потому что нет никого, кто мог бы быть одинок.

Хуан: Когда возникает проявленность...

Карл: Уже это [поднимает большой палец]. Когда появляется это «я» как представление о существовании, возникает одиночество.

Хуан: Но проявленность возникает из одиночества? В противном случае она бы не возникла, я полагаю.

Карл: Нет? Она возникла не благодаря чему-либо, а безо всякой причины. Нет никакого «я хочу возникнуть». Нет ничего. Только потенциал абсолютного существования, когда она возникала. Но она никогда не возникала. Даже у нее нет начала и конца.

Нет начала и конца у «я»-осознанности, нет начала и конца у «я есть»-ности, и нет начала и конца у «я такой»-ности. Даже этот мир, который есть здесь и сейчас, так же бесконечен, как и То, которое есть Сердце. Вся эта троичность есть абсолютная проявленность Того, которое есть Сердце. И, таким образом, эта проявленность является этим бесконечным Сердцем. Все, что есть, есть Сердце. Нет ничего, кроме Сердца.

Но То, которое есть Сердце, не знает Сердца и никогда бы не определило его как «такое, такое или такое». Все это – сновидческие определения. То, которое сновидит, абсолютный сновидящий, будучи тем, что есть Сердце, не может быть сновидимо, не поддается воображению. Его невозмож-

но обозначить никаким громким или красивым именем. Ни одно из них не подходит. То, что есть сама красота, не знает никакой красоты.

У Того, которое есть само знание, у Того, которое есть ты, абсолютно отсутствует знание того, чем ты являешься, а чем нет. Поэтому полностью отсутствует тот, кто знает или не знает. Отсутствует даже отсутствие.

Ты никоим образом не можешь стать Тем, потому что ты уже есть То. Нет ничего более естественного, чем То, чем быть Тем, которое есть Сердце. Но любое определение, *что бы* ты ни говорил об этом, ограничивает его.

Хуан: Значит, вся эта борьба нацелена на то, чтобы избавиться от одиночества, надо полагать?

Карл: Нет, в тотальной конфронтации с одиночеством, будучи им, ты погружаешься в То, которое есть Сердце. В этой абсолютной конфронтации есть видение того, что второго не существует и ничто никогда не даст тебе то, чем ты являешься. Становясь самой этой осознанностью, которая осознает свое одиночество, в этом абсолютном одиночестве ты погружаешься в То, которое есть Сердце, и ты являешься Тем, которое есть Сердце. В этой абсолютной конфронтации с тем, что ты есть, будучи самым абсолютным одиночеством, из глубины этого «одного» ты становишься «всеединым».

Это подобно тотальной трансформации. В этом предельном одиночестве больше нет никого, кто был бы одинок. В этом предельном одиночестве больше никто не может оста-

ваться отделенным, поскольку ты становишься Тем, которое есть одиночество. Но само одиночество не знает одиночества. (*указывая на Мэри*) Она говорит о том, что является предельной любовью, но когда ты являешься предельной любовью, ты больше не знаешь любви. Это все концепции. Не слушай их. Ничто не может сделать тебя тем, что ты есть. Даже самые высокие концепции остаются концепциями.

Здесь и сейчас присутствует такая непомерность, потому что ты являешься этой непомерностью, абсолютным существованием. Ты есть это, и ты никогда не сможешь покинуть его. К какой бы крайности ты ни прибегал, ты никогда не сможешь стать им. Это не может быть еще более предельным, чем оно есть, здесь и сейчас. Это предельная реализация Того, которое есть предельное Я! (*Мэри залиvistо смеется. Вся остальная группа молчит*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.